

Ч. Варга¹

ПРАВО КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Начиная со времен Древнего Китая и Месопотамии постепенно и почти незаметно секуляризовалась *легитимизация* земной власти, и так же постепенно *установление законов правителями* превратилось в открытое и свободное проявление намерений и воли людей². Таким образом возникла революционная идея о человеческой способности создать новый порядок, а затем и искусственно спланированное и улучшенное обще-

¹ Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петеера Пазмания (Будапешт), доктор. Приглашенный профессор многих зарубежных учебных заведений (США, Австралия, Италия, Германия, Великобритания, Япония и Россия). Автор более 400 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч. монографий «Law and Philosophy», «Paradigms of Legal Thinking», «Comparative Legal Cultures», «The Enigma of Law and of Legal Philosophising» и др. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994), член Международной академии сравнительного права. Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения.

² См.: *Villey M.* Essor et décadence du volontarisme juridique // *Archives de Philosophie du Droit* 3: Le rôle de la volonté dans le droit. P. : Sirey, 1979. P. 87–136.

ство. При следовании этому курсу — как подходящей и осуществимой программе действий — появилось желание провести социальные реформы и полностью обновить идеалы. За этим последовали более смелые желания, включая бескомпромиссное воплощение реформистских идей в новых институциональных рамках и в новых условиях, в которых интеллектуалы уже могли предвидеть общую перестройку человеческой жизни как главного актива.

После того как традиционная — феодальная — идея признания (восстановления или возрождения) того, что может быть названо старым добрым правом, в конце концов была оставлена в прошлом³, само право приобрело способность запускающего инструмента и средства принуждения и навязывания новых

³ Об идее «gutes, altes Recht» см.: *Kern F.* Kingship and Law in the Middle Ages. I: The Divine Right of Kings and the Right of Resistance in the Early Middle Ages ; II: Law and Constitution in the Middle Ages. Studies / transl. S. B. Chrimes. Oxford : Basil Blackwell, 1939. xxxi + 214 p. (Studies in Mediaeval History 4).

идеалов¹. Вся сложность человеческого самоосвобождения, предварительно изобретенная и сформировавшаяся в эпоху Просвещения и Великой французской революции, в конце концов достигла апогея в идее *социальной инженерии*, четко и ясно сформулированной столетие назад², и в программе *изменения* (на самом деле — переключения) *набора людских верований*, как подчеркивается в наши дни³. Все это основывается на правовом волонтаризме, открыто признанном в Новое время, выражающем конечный этап развития и окончательную победу рационализма. Это продолжается и в наши дни, поскольку степень стремления людей к самосознанию, о котором давно мечтали, что казалось оправданным достижениями западной цивилизации благодаря прогрессу евро-атлантической культуры, материализовалась в успехах науки.

Можно также наблюдать и другой вид возрождения, усиливающий вышесказанное, или контролирующийся, или взаимодействующий путем обратной связи, или действующий как сила торможения или как противоположный полюс, возможно, даже как простой провокационный импульс или противоположный импульс, побуждающий к действиям. Возрождение тоже станет новой кровью, но с неизменной природой, напоминающей критически деструктивную силу Просвещения. Это идеология закона природы и естественных прав, которые в последний раз были возрождены в Западной Европе после Второй мировой войны. Однако по прошествии времени эта идеология превратилась в перерожденную форму *прав человека*, зафиксирован-

ных в международных документах, принятых по всему миру, реализация которых также сопровождается механизмами принуждения⁴, потому что может появиться многоплановость, человеческие намерения могут быть ограничены, но зафиксированные права человека служат и критерием, и целевым ориентиром. Однако при этом идеология прав человека дегенерировала, выступая в качестве конечного этапа самоосвобождения человека и будучи распространена на каждого человека на личностном уровне. Она дегенерировала с более ранней позиции защитника человеческого субъекта, когда излишняя государственная власть могла слишком сильно давить, в простое средство, с помощью которого общество может (и не время от времени, а тщательно) быть раздроблено все возрастающей исключительностью правового языка, без какой-либо уравнивающей функции, которую можно было бы предложить или создать от имени привилегированной части этого общества.

Все это — дело рук человеческих, полностью искусственное, нацеленное на получение преимуществ и привилегий, более того, на максимизацию прибыли, которая становится доступной. Как известно из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса, борьба за социальные преобразования присущ один элемент, а именно влияние на генерирование идей, и не только в частности, тем же росчерком пера они обобщаются и оказываются на уровне универсальности, которая может быть придумана. Таким образом обычные человеческие, иногда личные соображения возводятся в абсолютную ценность, на какое-то время становятся непререкаемыми. Они известны как бескомпромиссные и применяются только в целом⁵.

По сути, *борьба за права человека*, практикуемая на земле, в настоящее время требует наличия прав, которые олицетворяют неприкрытые желания некоторых акторов (элит, меньшинств или других): свободные требования — требования, предъявляемые к другим, или что-то получаемое за счет других, потому что природа сделок такова, что за все нужно платить. С точки зрения онтологии, борьба за права человека — это лишь нормативная риторика, используемая для того, чтобы социальная среда вначале усвоила, а затем насаждала эти ожидания. Сам по себе список прав человека, которые могут возникнуть (кстати, уже показанных английскими консерваторами, которые критиковали заявления, сделанные французскими рево-

¹ Идея реформирования общества по закону восходит к иудейской эсхатологической мысли, по мнению А. Лео Опенхайма, представленному в книге Ancient Mesopotamia Portrait of a Dead Civilization [1964] / rev. ed. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1977. ix + 433 p.

² См.: Swirski P. American Utopia and Social Engineering in Literature, Social Thought, and Political History. N. Y. : Routledge, 2011. xiii + 255 p. (Routledge Transnational Perspectives on American Literature 15).

³ Госсекретарь США, которая продвигала агрессивный интервенционизм в обертке «экспорта демократии», а затем была кандидатом на пост президента США, одной из первых открыто сказала (когда она выступала в поддержку абортотворцев): «Глубоко укоренившиеся культурные коды, религиозные убеждения и структурные предубеждения нужно менять» (см.: Хиллари Клинтон на саммите «Женщины в мире», Нью-Йорк, апрель 2015 года. URL: <http://www.nationalreview.com/article/417448/hillary-clinton-religious-beliefs-have-be-changed-accommodate-abortion-joel-gehrke>). Она долго «трудилась» ради принятия американским обществом однополых браков, эвтаназии и тому подобного и пыталась спровоцировать выступления в США, например какую-нибудь разрушительную «католическую весну», похожую на дестабилизацию времен «арабской весны», только у себя в стране, когда фактически среди общего беспорядка все делалось в угоду американским интересам. Но здесь «семена революции» были направлены против «отсталых» ценностей, связанных с церковью, которая, как утверждалось, остается «средневековой диктатурой» (см.: Thiessen M. A. Hillary Clinton is a Threat to Religious Liberty. October 13, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/hillary-clinton-is-a-threat-to-religious-liberty/2016/10/13/878cdc36-9150-11e6-a6a3-d50061aa9fae_story.html), со ссылками на переписку сотрудников в 2012 году, которая стала известна благодаря WikiLeaks. Как позднее высказался один высокопоставленный священник, «в этом мире существуют три группы людей: те, кто верит в Бога, те, кто не верит в Бога, и те, кто считает себя богами. Я думаю, что Хиллари Клинтон — одна из тех, кто считает себя богом». URL: <http://aleteia.org/2015/04/29/nigerian-bishop-hillary-clintons-remarks-about-religious-beliefs-show-she-thinks-she-is-a-god/3/#sthash.nAHJ2zBl.dpuf>.

⁴ См.: Варга Ч. Природа прав человека // Варга Ч. Загадка права и правового мышления. Избранные произведения / сост. и науч. ред. М. В. Антонов. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 224–230.

По мнению Шаннона Холзера, высказанному в работе «How Liberals Abuse Language» («Как либералы злоупотребляют языком») (URL: https://www.academia.edu/30204590/How_Liberals_Abuse_Language?auto=download&campaign=weekly_digest), подобное требование является просто игрой слов. В то время как закон природы требует глубокой сути вещей, практика применения прав человека имеет дело только с номинальными новыми определениями, когда словам даются новые значения «в попытке создать реальность с помощью языка». Таким образом, «права... оказываются тем, что левые пытаются навязать другим и заставить принять».

⁵ Представление классического варианта развития см. в: Marx K., Engels F. Die deutsche Ideologie. 1846. URL: http://www.mlwerke.de/me/me03/me03_009.htm.

люционером сто лет назад), в принципе бесконечен и ничем не ограничен: за каждым из них последуют другие, по большей части превосходящие предыдущие, но иногда также вытесняющие устаревшие в этом никогда не прекращающемся процессе.

Учитывая нынешний этап открыто политизированной идеологической борьбы, которая получила распространение в современном мире, можно сказать, что всегда существовал (и контрастировал с ней) вызов древней человеческой мудрости, которая выступала противоположным полюсом человеческим амбициям, подпитываемым верой в бесконечные возможности и способности. Все это усугублялось в революционные «медовые месяцы», когда возникало чувство утопии, теперь вооруженное современными организационными техниками и подтвержденное, хотя и предположительно, различными победами, достигнутыми таким образом. Здесь я имею в виду древнюю уверенность человечества¹, выраженную двойственным образом, присутствующую в корне всех известных правовых идей.

В частности, эта уверенность в первую очередь выражена в христианском символизме как библейской основе нашей веры в фигуральную силу *Страшного суда*. В нашем случае, если говорить о праве, это означает, что в определенное время о значении и пользе всего, что сделал человек или намеревался сделать, будет судить исключительно божественная власть на божественной территории. В свою очередь, это приводит к выводу, что отправление правосудия, изобретенного, направляемого и осуществляемого людьми, может служить только одномоментным и эфемерным целям, просто для того, чтобы организовать мирские дела здесь и сейчас. В наследии римского права, возрожденного на Европейском континенте, идея *ius* ($\approx$ правда) когда-то напоминала о божественном происхождении закона природы как продукта сотворения мира и возникшего одновременно с ним. Однако в дальнейшем эта идея была сведена к пониманию этого мира как явно человеческого, волевой манифестации или воплощению в реальности *lex* ($\approx$ закона). В отличие от такого порядка вещей, в традиции того же римского права, ожившего в англосаксонском мире, юристы осмелились индуктивно обрабатывать опыт, который они могли почерпнуть из прошлого через повторение прецедентов: дел, которые имели прецеденты, и судебных решений в таких делах. В подходе к делу наблюдаются параллели с восстановлением в некоторой степени классических иудейских и исламистских повторяющихся моделей и юридического мышления. Известно, что иудейские и исламистские законы священны, их форма считается теологически вдохновленной. Люди осознают их происхождение, и эти законы делают все, чтобы вызвать недоверие (и слишком большую доверчивость) к любым формам логики и концептуального формализма².

¹ Хотя теология и посвящена описанию места, которое по плану зарезервировано для людей в божественной иерархии, она сформулирована людьми и уходит своими корнями в человеческий опыт.

² См.: Varga C. The Paradigms of Legal Thinking. [1999] 2nd ed. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae Iuris]. URL: <http://mek.oszk.hu/14600/14657> ; *Он же*. Comparative Legal Cul-

Другое извечное выражение — это молитва, в которой звучат просьбы о помощи, это первобытный крик, возмущающий о горе и печали: «Из глубины взываю к Тебе, Господи»³. Это муча и боль, переросшие в сильнейший крик, чтобы получить облегчение. Он свидетельствует о данной судьбой врожденной слабости, более того, о непосредственном страдании и бессилии всего человечества, то есть нас, падших людей, которые возлагают единственную надежду на Бога в трансцендентальной перспективе.

Не приходится сомневаться в том, что оба выражения повлияли на основные устремления и пути, известные в истории права и любой правовой ментальности. Они даже сформировали способ установления и закрепления законов, более того, в значительной степени создали основу системной или связанной с практикой последовательности формальных единиц или образцов решений. Это подтверждается: 1) стремлением *правового органа* к превосходству через конкуренцию и соперничество с имеющимися и появляющимися правовыми органами в институциональной борьбе (от имени закона, *письменно зафиксированного в документах, действующего закона и закона в общественном сознании*)⁴; 2) усилиями по возобновлению судебных процессов благодаря институционализации апелляций, в результате чего уже вынесенные решения могут быть пересмотрены; 3) тем, что после применения силы закона можно получить снисхождение; 4) обращением за помощью к *другим процедурам параллельно* или путем обработки (интерпретации или применения) формального закона и внутренней логики иным образом, или путем использования других стандартов для контроля за процедурой принятия решений; 5) *чередованием* (если не явным переключением) между неформализованными и формализованными тенденциями в случае примитивных законов прошлого и усовершенствованных правовых систем настоящего. Например, это столкновение между моделями, которые делают закон приемлемым, то есть справедливым и суровым, как было показано уже в раннем иудаизме мудрецами Гилелем и Шамаем и в римском праве прокуляянцами и сабиньянцами⁵.

Существуют вечные варианты правовых техник, которые сами по себе нейтральны, хотя и бросают вызов друг другу, если занимают позиции на разных полюсах. При упрощении искаженной сегодня теории права, стерильной, иногда слишком политизированной, такие альтернативные возможности используются для представления диаметрально противоположных направлений, например при демократическом и недемократиче-

tures On Traditions Classified, their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-rationalism. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae Iuris]. URL: <http://mek.oszk.hu/15300/15386>.

³ Псалом 130:1. См.: Псалтирь на английском (URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/Psalms-130-1>) и на русском языках (URL: <http://www.russianbible.net/Psa-130.html>).

⁴ Поразительно, что при обзоре основных законных режимов, существующих в настоящее время в мире, Янос Яни в «Jogi kultúrák Ázsiában» («Правовые культуры в Азии». Будапешт : Turpotex, 2016) рассматривает исламизм не просто как мятеж против доминирования западной культуры, но и как борьбу новой силы за установление своей высшей власти.

⁵ Perelman C. Legal Ontology and Legal Reasoning // Israel Law Review. 1981. July 1981. Vol. 16 (3). P. 356–367.

ском подходах. В конце концов правовые механизмы постоянно конкурируют, ведя борьбу в рамках системы, чтобы выбрать и зафиксировать модель, которая — по крайней мере, на какое-то время — могла бы одержать победу¹. В любом случае в человеческой борьбе, которая изменяется в зависимости от ситуации, наш интерес привлекает не способность человека отвечать на вызовы и не она нуждается в объяснении. Новым всегда бывает только контекст. Более того, можно утверждать, что, когда мы сражаемся с помощью обновленного оружия, на самом деле мы только по-новому ведем старые сражения². Исполняющие роли актеры могут меняться каждый раз, но, несмотря на это, игра все та же, что и была.

Мы видим, что борьба идет повсюду и современный мир более фрагментарен, чем когда-либо.

Самое важное, что нужно понять, — что мы живем в довольно *опасную эпоху*. Сегодняшние Евы продолжают есть новые яблоки способом, который не изменился на протяжении тысячелетий, а их Адамы, как и прежде, остаются в замешательстве. Самодовольство не изменилось, оно безгранично, и у нас фактически нет знаков, указывающих нам выход³.

* * *

Какие выводы можно сделать из вышесказанного о природе и характеристиках права?

1. Сегодня и узаконенные псевдокритерии (такие как демократия и парламентаризм), и термины, считающиеся частью права (такие как законность и права человека), доминируют — или, если говорить об их реальном значении, господствуют или властвуют — в мире международной политики и прочно вошли в ее базовую лексику. Сам по себе факт их использования как критериев является предположением, хотя они и не подходят для оперативного использования, потому что не определены, а возможно, и неопределенны, поскольку изначально относятся к способности формировать понятия и концепции, охватывающие базовые ориентиры общего и основного западного цивилизационного *идеала*.

2. При этом, как показывается в настоящем докладе, защитная роль права, которое в соответствии с широко распространенным мнением считается таким же мощным, предсказуемым и контролируемым, как бастионы любой крепости, совсем не так прочна. На самом деле право не дает уверенности, потому что по своей природе, как было показано выше, оно не обеспечивает и не может обеспечить предсказуемую поддержку и безопасность.

3. В соответствии с фундаментальными доказательствами, поддерживающими общественные нау-

ки в нынешнем состоянии, любая политика опирается на людей, которые социально обусловлены, являясь продуктом трех составляющих: социализации, образования и манипулирования с рождения до последнего дня. На самом деле за фактическими общественными движениями, как и за законодательством, построенным с иерархическими барьерами, всегда стоит некий вид «господствующей воли», исходящей из центра и управляющей процессом в большей или меньшей степени как главная сила. Это фундаментальная сила, которая владеет всеми интерпретациями и способами возможного применения.

Иными словами, в отличие от профессиональной идеологии юристов в континентальной Европе, которые сосредоточили внимание на позитивном (позитивированном) праве, воплощенном в форме текста, только англосаксонский подход может оказаться истинным и оправданным с точки зрения онтологии. В реальности бытие права как компонент социальной онтологии связано с его фактическим влиянием, но далеко не с его позитивностью. В конечном счете общее влияние права не зависит от того, насколько оно преобладает, какую позицию занимает или каким образом обьявляет себя ценным правилом государства.

Основная проблема — то, каким образом право интерпретируется и применяется. Здесь уместно вспомнить классическое высказывание: «Епископ Хoadли сказал: „Тот, кто имеет *абсолютную власть* для *интерпретации* любых писаных или неписаных законов, на самом деле и является тем, кто устанавливает законы во всех смыслах и фактически, а не тот человек, который первым их написал или произнес“. Тем более тот, кто имеет абсолютную власть не только интерпретировать закон, но и говорить, что есть закон, на самом деле является тем, кто устанавливает законы»⁴.

4. Если вспомнить историю, то право никогда не существовало в пустом духовном пространстве. Это только испытание, распространившееся по миру вследствие общего упадка, вызванного в Америке волнениями 1968 года. В частности, *общая вера* в самоидентификацию общества (выраженная в общей религиозной вере или связанная с населением или территорией, о которой идет речь) вместе с *общей нравственностью*, развитой в нем и им, всегда обеспечивала (и должна обеспечивать сегодня) необходимый фон для права. Независимо от того, каким оно кажется, право — это не больше чем символическая власть. Поэтому, хотя право и является конечным продуктом любой успешной социальной интеграции и разрешения конфликтов, оно не всемогуще. Его мобилизующая, принуждающая и карательная сила, то есть главнейшая компетенция, заключается в способности поддерживать порядок путем эффективного разбирательства нарушений, которые происходят по отдельности, но не массово. Оно не выдержит столкновения с массовостью, то есть с беспорядком, который станет обыденным и ежедневным. Если право не имеет сильной поддержки, то оно рухнет. В конце концов, как говорил Кант, самим фактом

¹ См. статьи в: Comparative Legal Cultures / ed. C. Varga. Aldershot ; Hong Kong ; Singapore ; Sydney ; Dartmouth ; N. Y. : The New York Univ. Press, 1992. xxiv + 614 p. (The International Library of Essays in Law & Legal Theory, Legal Cultures 1).

² *Dyzenhaus D. Legality and Legitimacy / C. Schmitt, H. Kelsen, H. Heller. Oxford : Clarendon Press, 1997. xiv + 283 p. ; Varga C. Múltkutató, jövőkeresés Közép-Európa jogában // Varga C. Jogfilozófia a múlt, jelen és jövő ölelésében. Budapest : Pázmány Press, 2018. P. 377. (Tanulmányok 44). URL: <http://mek.oszk.hu/18900/18995/18995.pdf>.*

³ См., например: *Nisbet R. The Quest for Community. San Francisco : ICS Press, 1990. P. 3–65.*

⁴ *Chipman J. G. The Nature and Sources of the Law. [1909]. 2nd ed. N. Y., 1927. 102, цит. по: Hoadly's B. Sermon. The Nature of the Kingdom or Church of Christ; A Sermon Preached before the King at... St. James's, March 31, 1717. L. : J. Knapton, 1717. P. 12.*

своего существования, концептуально, отсутствие возможности предусмотреть в законе меру наказания или невозможность наказания означает революцию.

5. Таким образом, как только сила, стоящая за законом, исчезает, то, что осталось, является только пустой рамкой закона и ничем больше. То есть то, что могло быть законом, теперь становится беспомощной нормативной оболочкой. А у такого закона, который остается сам по себе, не может быть никаких других амби-

ций, кроме применения насилия, пока режим не падет полностью.

6. В целом, если говорить о перспективах, которые мы можем предвидеть в настоящее время, наше будущее не приведет ни к каким другим последствиям, кроме краха цивилизаций¹, какофонии, непредсказуемости, если только не появится окончательное решение, на самом деле достойное гуманизма XXI века² и способное изменить судьбу мира.

---

¹ *Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996. 367 p.*

² Но предложения, имеющие место в самокритике эстетов, типа «Страх перед варварами — это как раз то, что может сделать нас варварами» (*Todorov Z. The Fear of Barbarians // Beyond the Clash of Civilizations. Cambridge : Polity Press, 2010. vii + 233 p.*) кажутся риторическими, тем более что лежащая в их основе проблема касается «нравственного ответа Запада на исламский терроризм» (Майкл Кинг в журнале «The Times Higher Education» от 11 ноября 2010 г.).